

Дмитрий Карасюк

«АГАТА КРИСТИ»

Черные сказки белой зимы

Издательство АСТ
Москва

Contents

Глава 1 «...С чистого листа» (1970—1984).	5
Глава 2 «Вначале я думал, всё будет просто» (1984—1988).	25
Глава 3 «У нас такая заводная семья» (1988—1989).	46
Глава 4 «И покорится вся Земля таким как ты, таким как я» (1989—1991).	74
Глава 5 «Было грустно, только не очень больно» (1992—1994).	96
Глава 6 «Потные, толстые пляшут милашки» (1994—1995)	117
Глава 7 «Нам было все до звезды» (1996—1998)	146

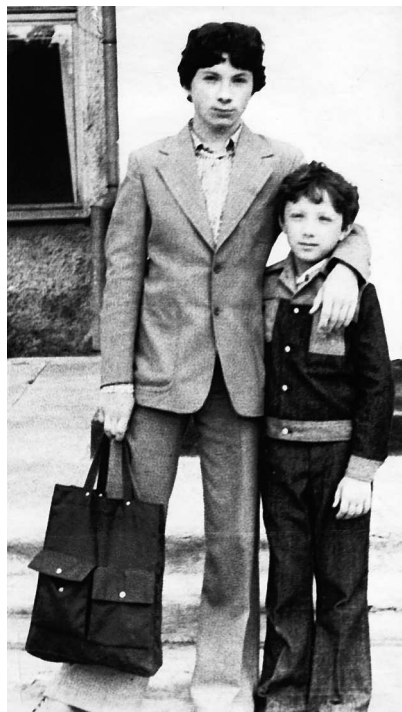
Глава 8	
«Мы упали, и летим, и летим»	
(1998—2000)	181
Глава 9	
«То ли это смех, то ли это крах,	
то ли страх вернуться в пустоту»	
(2000—2003)	214
Глава 10	
«Новыми нитками сшить мой немыслимый путь»	
(2003—2006)	232
Глава 11	
«Время пришло, и захлопнулась дверь»	
(2006—2010)	253
Глава 12	
«Где ты будешь завтра: тута или тама?»	
(2010—...)	270
Глава 13	
«Наш поход в небо задом наперед»	279
Благодарности.	301

Глава 1

«...С ЧИСТОГО ЛИСТА» (1970—1984)

Одна из главных тайн, которую оставила после себя «Агата Кристи», — это загадка собственного возраста. Как и многие существа с женским именем, она и сама была не очень твёрдо уверена в дате своего рождения. Исследователи творчества, журналисты и сами музыканты спорили о времени её появления на свет. В любом случае все всплывавшие в этих спорах даты являются важными вехами в истории знаменитой группы. Но несомненно, что самая ранняя из них — 4 августа 1970 года, когда в семье Самойловых родился второй сын.

Вадим Самойлов прекрасно помнит, что впервые увидел младшего брата Глеба «в окне родильного дома. Как и полагается, мы

*Братья Самойловы, 1977
Фото из архива Елены Чистовой*

стояли с папой и махали цветочками. Нам показали его из окна, маленького и уже орущего». Родильный дом находился в небольшом городе Асбесте, в 80 километрах от Свердловска.

Когда нового члена семьи привезли домой, стали выбирать ему имя. Вадик, которому ещё не исполнилось шести лет, категорически требовал, чтобы младшего брата назвали Пупсиком, такой он был маленький и хорошенький. Папа, Рудольф Петрович предложил менее радикальное имя Глеб. Старший сын настаивал на Пупсике. Чтобы не травмировать детей (одного прямо сейчас, а другого на всю жизнь), папа предложил тянуть жребий. Бумажки с предлагаемыми именами бросили в шапку, и Вадик вытянул имя Глеб. Впоследствии выяснилось, что папа схитрил и на всех бумажках написал лоббируемое им имя. Благодаря этой уловке, Глеб стал Глебом, чему очень рад: «Так бы я был Пупсиком. Отличное имя для рок-звезды — Вадим и Пупсик Самойловы — легенды русского рока!»

Половина будущего состава «Агаты Кристи», таким образом, была укомплектована. Но до ревущих от восторга залов оставалось ещё лет 20–25, а пока младшеклассник Вадим утром отводил маленького брата в садик, а вечером приводил его обратно. Папа-инженер и мама-анестезиолог весь день пропадали на работе, поэтому груз забот о младшем члене семьи лёг на плечи старшего брата. Через 30 лет Глеб в разговорах с журналистами вспоминал, как Вадик тянул санки с ним по дороге из садика по тёмным улицам Асбеста.

Трёхкомнатная квартира на последнем пятом этаже стандартной хрущёвки выходила окнами на запад и восток. «Мы в детстве жили рассветами красивыми и закатами, пребывали между сказками, — вспоминал Вадик. — Мы с Глебкой дружно жили, параллельно развивались, делились всем, слушали и смотрели одно и то же. Читали книжки, жили, скорее, внутренним миром и благодарны родителям, что они нам дали такую возможность». Чтобы не расставаться с младшим братом даже в школе, Вадик аполитично вставил его маленький портрет в свою октябрятскую звёздочку: «У меня была пластмассовая звёздочка под рубин со стёклышком вну-

Семья Самойловых, 1971

три, под которым был портрет маленького блондина Ленина. Вот я туда под стёклышко и вставил фотографию блондина Глеба, молодого и кудрявого».

Для Глеба первые годы его жизни навсегда остались самыми светлыми впечатлениями: «У нас всегда была большая семья, не представляю другого, всегда жили папа, мама, Вадик, я, бабушка с нами... Позже, в периоды какой-то безысходности и депрессии инстинктивно хотелось вернуться в детство, потому что хотелось быть счастливым, а счастье ассоциировалось с тем, что было в детстве: мама, папа, Вадик, Асбест, солнце, мы смотрим телевизор или с балкона смотрим на то, как заходит солнце за лес, похожий на океан... На самом деле все мои лучшие песни — это воспоминания о детстве. С детством связаны первые мои переживания, первые ощущения полёта, первые фантазии. Не то, как я буду космонавтом, или гонщиком, или милиционером, или пожарником, мечты о полёте... Самая навязчивая тема у “Агаты Кристи” — небо, полёты. Всё это из детства...»

Летом братья отдыхали у бабушки в деревне Кармак в сорока километрах от Тюмени. На крыше сарая вместе оборудовали звез-

Братья Самойловы, 1974

долёт, тщательно обдумывали маршруты полётов над бескрайними окрестными полями к далёким галактикам. Но больше всего они любили играть в «Семнадцать мгновений весны», страшно споря о том, кому быть Штирлицем. Игра обязательно включала яростную погоню, которая в телеоригинале отсутствовала. Во время одной из таких гонок с преследованием Глеб-Мюллер с нацепленными погонами со свастикой запнулся и со всей дури впечатался в свежую коровью лепёшку. Возможно, с тех пор мотивы Германии 1930–1940-х годов в его песнях откровенно плохо пахнут.

Несмотря на то, что Рудольф Петрович занимал довольно

важный пост, жила семья Самойловых небогато. «Помню, как Вадиду долго копили на джинсы, — рассказывает Глеб. — Так долго копили, что все переживали, и когда Вадиду джинсы эти всё-таки купили, я так гордился, как будто их купили мне».

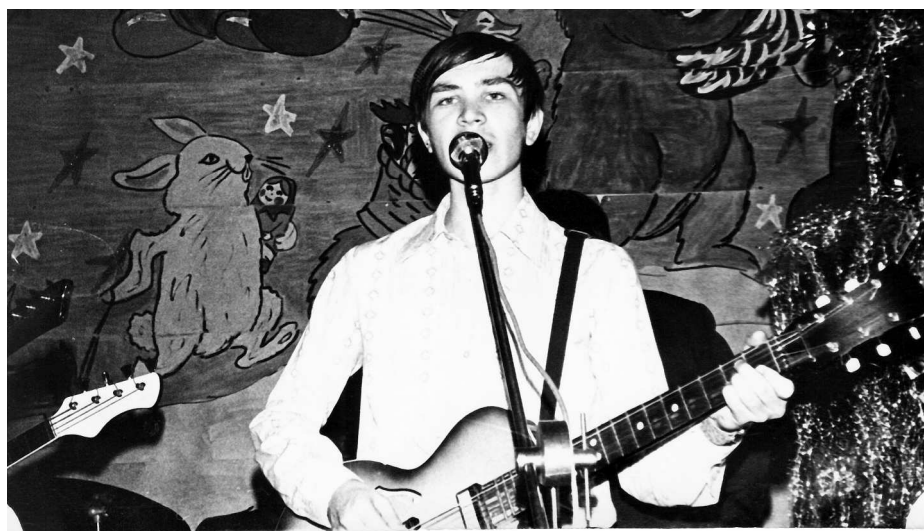
Профессии родителей были отнюдь не творческие, но музыка в доме звучала постоянно. «У нас всегда собирались на посиделки, пели, разговаривали, — вспоминает Вадик. — У нашей мамы была очень хорошая подруга, она брала гитару и, не зажимая аккордов, перебирала струны. И все пели про виноградную косточку, это было так проникновенно... Когда папа подпевал “кавалергарда век недолог”, это вставляло меня, честно говоря». В большой комнате стояло пианино, на котором Вадик сам подобрал песню «Кто на

новенького?» из фильма «Достояние республики», причём сразу в оригинальной тональности фа-диез минор. В разных интервью он рассказывал, что это эпохальное событие произошло, когда ему было то ли 4 года, то ли 5–6 лет. Видимо, детская память подвела лидера «Агаты Кристи»: фильм «Достояние республики» вышел на экраны 28 апреля 1972 года, когда Вадиму уже шёл восьмой год, и он всю осваивал фортепиано в музыкальной школе.

В 1978 году родственник привёз из Барнаула магнитофон «Юпитер» и коробку кассет в придачу. Вместе с младшим братом Вадик прослушал все записи. Ему больше всего понравились «Queen», а на семилетнего Глеба неизгладимое впечатление произвели три альбома Pink Floyd: «Это был гармонизированный транс, уносящий детское сознание в какие-то дебри, дающий понять, что где-то есть другая реальность». После этого Глеб твёрдо решил, что, окончив школу, будет работать «пинкфлоидом», и подтвердил эту мечту на уроке рисования: «Учительница попросила изобразить, что кому хочется. Все рисовали цветочки, зайчиков и танки, а я — рок-группу с гитарами, барабанами и хаерами».

Примерно в это же время совсем неподалёку водили дружбу два других будущих «агатовца» — Саша Козлов и Петя Май. Позна-

Пётр Май на школьном вечере, 29 декабря 1978 года

комились они в музыкальной школе, где Саша осваивал скрипку, а Петя — фортепиано.

Козлов быстро понял, что Паганини из него не получится. К тому же в старших классах музыкальной школы его интересовали уже совсем другие ритмы: «Когда мне было лет 13, родители купили магнитофон «Комета». Я у друзей насобирав пластинки наших вокально-инструментальных ансамблей, понаписывал любимых песен, крутил их, подбирал. Западная музыка меня тогда мало интересовала. Первое сильное потрясение от неё связано с расцветом диско. Boney M и ABBA на меня произвели шокирующее впечатление. ABBA до сих пор осталась одной из самых любимых моих команд. Потом мне сказали, что под Свердловском есть место, где можно найти много пластинок. С девятого класса я стал регулярным посетителем этой «Тучи», фанатом пластиночного дела и среди своих знакомых прослыл меломаном и большим знатоком. У меня была очень хорошая память на фактологическую информацию. Я запоминал все составы всех групп, всех продюсеров, в какой студии записывались, какая фирма выпустила, в каком году, вплоть до того, какая песня по счёту с пластинки играет сейчас. Я гордился, что всё это знал. Я слушал всё подряд, был всеядным, хотя наибольший интерес проявлял к музыке новой романтики, новой волны: Duran Duran, Spandau Ballet. Я чувствовал что-то, заставлявшее собирать такую музыку».

Петя был на два года младше Саши и инстинктивно тянулся к старшему другу. Вместе они могли днями напролёт слушать пластинки из обширной козловской коллекции, жарко обсуждая музыку. Друзьям хотелось походить на артистов с обложек дисков, а главное — сочинять и исполнять мелодии не хуже, чем они. К сожалению, скрипка и пианино, навыки обращения с которыми дала музыкальная школа, представлялись друзьям не очень подходящими инструментами для прокладывания дороги в рок-н-рольное будущее.

Летом 1977 года во время трудовой четверти в подшефном колхозе Петя впервые познакомился с ударной установкой. Произо-

шло это в сельском клубе, где местный ансамбль пытался репетировать номера для танцев. Хотя музыканты были не ахти, но даже на их фоне барабанщик выделялся полной беспомощностью. В конце концов, прямо на глазах заглянувших в клуб от нечего делать асбестовских школьников незадачливого драммера с позором изгнали со сцены. Музыканты стали ломать голову, кто же сможет им подстучать, и вдруг неожиданно для самого себя в почти пустом зале поднялся тринадцатилетний Май: «А можно я попробую?» Сел за барабаны и отыграл первую в своей жизни партию ударных так, как будто учился в музыкальной школе стучать не по клавишам пианино, а по бочке, тарелкам и прочим атрибутам барабанной кухни. Май оказался ударником-самородком и до отъезда из колхоза каждый вечер или репетировал, или играл на танцах.

Дома в Асбесте особые перспективы для дальнейшего музицирования не просматривались. В родной школе № 1 имелся ансамбль, но честь стать его участником была прерогативой десятиклассников. Девятиклассник Козлов и восьмиклассник Май готовились ждать своей очереди выступить на школьной сцене ещё год-два, но помог случай. В сентябре 1978 года вдруг оказалось, что в очередной выпускной параллели случился провал с музыкальными кадрами и играть на школьных вечерах некому. Переходящее музыкальное знамя подхватили Сашины одноклассники. Сам Козлов занял вакантную должность бас-гитариста: «Музыканты, которые играли на школьных танцах, были для нас богами. Все танцевальные вечеринки собирались ради них. Когда они закончили школу, нужна была новая группа. Поскольку я учился в музыкальной школе, знал ноты, как-то быстро к своему удивлению постиг бас-гитару. Мы стали играть типовой советский репертуар ВИА». На пустовавшее место за электроорганом «Юность-70» Саша порекомендовал Мая. Но капризный советский синтезатор и Петя как-то сразу не сошлись характерами. Май взял в руки гитару и встал к микрофону.

В ходе репетиций выяснилось, что школьный квартет хромает сразу на две ноги: второй гитарист и барабанщик явно не дотяги-

вали до уровня Саши и Пети, как-никак уже несколько лет учившихся музыке. Несмотря на все усилия, даже простенькие номера для школьных танцев получались так себе. И опять помог случай. Для выступления на празднике английского языка Май разучил битловскую «Let it be». В сольном исполнении под одну гитару она как-то не звучала, и учительница английского языка привела ему в помощники румяного шестиклассника. Звали его Вадик Самойлов. На концерте он замечательно подыграл Маю на пианино, но от предложения попробовать себя в качестве клавишника в школьном ансамбле как-то уклонился.

Козлов объяснил обескураженному Маю поведение Вадика. Мама Саши работала с Ириной Владимировной в одной больнице и знала, что строгая Самойлова считала всех музыкантов, кроме классических, лоботрясами и запрещала старшему сыну даже близко подходить к какому-нибудь ансамблю. А Вадика очень нравилась популярная музыка и то, как звучит школьная группа: «Я уже был знаком с Сашкой Козловым, он играл в ансамбле, я ходил слушать. Репетировали они в пионерской комнате, дверь была приоткрыта, вот заглянешь, послушаешь — потом полшага сделаешь вперёд, а потом уже и в комнату зайдешь...»

Вадик хотел играть в ансамбле, а ансамблю до зарезу требовался Вадик. С большим трудом нарядившимся как можно более благообразно Саше и Пете удалось убедить маму Вадика, что не все рок-музыканты бездельники и алкоголики и что участие в школьном ансамбле ничем её сыну не грозит. Смилостивившаяся Ирина Владимировна разрешила Вадика посещать репетиции, но только при условии отличной учёбы в обычной и музыкальной школах, а также выполнения всех работ по домашнему хозяйству. Весной 1978 года трио, ставшее костяком школьного ансамбля (а в будущем — тремя четвертями «Агаты Кристи»), было укомплектовано.

«Вадик как-то сразу быстро влился в наш ансамбль, — вспоминал Козлов. — Мы сыгрались, появилось дыхание у группы». Трио репетировало не только в школе, но и дома то у Саши, то у Вадика. Когда разучивали песни дома у Самойловых, в комнате всегда

Музыкальный дискурс в семье Самойловых

сидел маленький Глеб и внимательно следил за творческим процессом. Друзья иногда говорили ему: «Давай подрастай быстрее, будешь у нас четвёртым». Глеб не отвечал, наверное, тщательно обдумывал предложение.

Это трио стало звёздами школы № 1. ВИА менял состав, названия (история сохранила только одно из имён — «Циклон»), но костяк оставался неизменным. Хотя формально Вадик был клавишником, Петя — гитаристом, а Саша — басистом, каждый из них мог сыграть любую из партий. На концертах и школьных танцах они часто менялись инструментами безо всякого ущерба для качества исполнения. В новом учебном году традиционный репертуар ВИА перестал удовлетворять амбициям юных музыкантов. Им захотелось петь собственные песни.

«Ребята пробовали что-то сочинять, я предложил свои вещи. Мы сидели, даже записывали что-то», — вспоминает Вадик. Его

слова о первых пробах пера подтверждаются воспоминаниями Козлова: «Песни в основном придумывали я и Вадик. Было много хитов, которые в школе проходили на ура. Люди их ждали, и мы знали, что вот эта песня — это топ, и всегда играли её с большим энтузиазмом».

На школьных танцах новые песни принимали здорово, но «Циклону» приходилось выступать на районных и городских конкурсах самодеятельности, а там не санкционированное сверху сочинительство не очень-то приветствовалось. Приходилось подписывать свой материал именами профессиональных композиторов, но школьные сочинения оказались такими качественными, что разные комиссии легко верили в обман.

В «Циклоне» Вадик играл на злополучной «Юности-70», но по свидетельству одноклассников умел извлекать из неё такие звуки, что все диву давались. Самый младший участник ансамбля поработал над улучшением материально-технической базы группы: сам смастерил новый бас для Козлова, выпилив из ДСП корпус,

Братья Самойловы, 1977

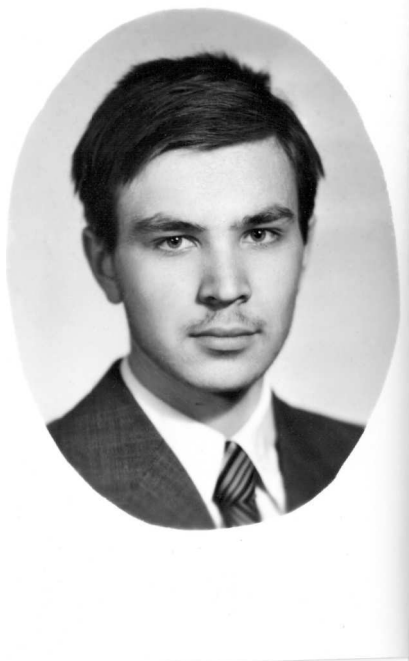

приделав к нему гриф от обычной гитары со струнами от рояля и установив датчики. Звучал этот самопал намного лучше, чем «фирменная» бас-гитара «Урал». Музыкальная деятельность семиклассника Вадима Самойлова заметно подняла его авторитет в окрестных дворах. Когда вечером он поднимался к себе на пятый этаж, компания подростков, сидевшая в подъезде, не приставала к нему, как раньше, а только уважительно просила подстроить гитару, что юный рок-гуру великодушно делал.

Козлов познакомил младшего товарища со своей коллекцией пластинок, что сильно расширило музыкальный кругозор Вадика: «Начинал я с Pink Floyd, Deep Purple, Kansas. Чуть позже увлёкся «металлическими» командами типа Accept, Scorpions. Но увлечение хард-роком было у меня несерьёзным — так, подураться. А потом понеслось... В десятом классе на меня обрушилась лавина самой разнообразной музыки, я слушал всё, но висел на Queen — то есть на самой прогрессивной, в основном английской музыке».

Совместное сотворчество продолжалось весь 1978–1979-й учебный год. Летом Саша закончил школу и поступил в Свердловский медицинский институт. На творчестве «Циклона» это заметно не отразилось: почти каждые выходные первокурсник Козлов возвращался в родной Асбест и играл в составе своей группы на танцах. Однако к тому времени и до Асбеста докатилась мода на дискотеки, то есть на танцульки под магнитофонные записи западных артистов. «Живые» музыканты остались невостребованными. По выходным троица собиралась у Саши или у Вадика дома и сочиняла что-нибудь своё.

«Дома было нельзя грохотать на барабанах, и в роли бочки выступал ботинок, которым стучали по полу, — вспоминал Май. — Рабочим барабаном служил надувной шарик, по которому били ладошкой, а вместо хэта и тарелок использовали лист целлофана, положенный на стол. Бас подключали к магнитофону, а Вадик, сидя за пианино, одной рукой втыкал аккорды, а другой умудрялся на гитаре свои соло играть. Мы чувствовали, что какие-то музыкальные идеи начинают наклёвываться».

Выпускник Пётр Май, 1980

К этому времени Вадик закончил формальное музыкальное образование: «Поступил я в музыкальную школу добровольно, а закончил её только благодаря героическим усилиям моей мамы. У меня остались совершенно жуткие воспоминания о музыкальной школе, где со сломанным голосом я должен был петь в хоре какое-то сопрано. Я убежал с репетиции, приходила моя мама и устраивала скандалы. Закончили мы эту школу вместе с мамой: она деньги какие-то платила, мучилась, кричала...» В дальнейшем Самойлов

развивал свой музыкальный талант уже самостоятельно.

В 1980 году Асбест покинул и Петя. Он поступил в Уральский политехнический институт на механико-машиностроительный факультет. Там музыкального первокурсника сразу заметили, и всего через месяц Май восседал за ударной установкой ансамбля стройотряда «Мечта», игравшего, кстати, весьма профессионально. Постоянные репетиции и студенческая жизнь не оставляли Петру времени на частые визиты домой. С Сашей он связи не терял, тот частенько посещал репетиции «Мечты», приносил пластинки, делился музыкальной информацией. Общаться в Свердловске было гораздо проще, чем мотаться каждые выходные в Асбест. Ведь и у Козлова возросшая учебная нагрузка в мединституте стала отнимать гораздо больше времени. Школьное трио «Циклон» фактически развалилось.

Вадик не очень сокрушался по этому поводу: надвигались выпускные экзамены, и времени на музыку просто не хватало. Окончил школу он неплохо: «Я был хорошистом. В аттестате

у меня была тройка по одному предмету. По пению». Бурно радоваться последнему школьному звонку помешали домашние проблемы: Рудольф Петрович ушёл из семьи. Глеб это остро переживал: «Папа и мама разошлись, когда мне было 12, а для меня было важно, что есть папа. Папа есть, это уже хорошо...» Вадик в те дни дал себе зарок: «Когда родители развелись, я поклялся, что у моего ребёнка будут и папа, и мама, но судьба подкидывает нам испытания, с которыми мы не всегда справляемся. Говорят же, не зарекайся...»

В августе 1982 года Вадик Самойлов поступил на радиотехнический факультет УПИ: «Я с детства увлекался наукой, моей любимой книжкой была “Занимательная физика”. Я проводил разные оптические опыты, пытался смастерить стереоочки. Ещё в школе я стал экспериментировать со звукозаписью, при помощи топанья и ножек стола пытался имитировать звук барабанов, сам паял необходимые приборы. Увлёкся радиоэлектроникой. Поэтому поступление на специальность “Конструирование и производство

Братья Самойловы, 1982

